

The article is based on the results of the study of hypero-hyponymic relations in lexical semantic group of quantitative nouns (combined with the non-discrete entities) in the Chinese and Russian languages. Component analysis of the semantics of quantitative units of this type (through the construction of hypero-hyponymic structures of various types) revealed common and specific characteristics of this group of nouns in the languages of different morphological structure.

Поступила в редакцию 08.04.16

О. Ю. Шиманская

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА

(на материале русского, белорусского и английского языков)

В статье анализируются концептуальные основы метафорической номинации явлений психического мира путем переосмысления человеком предметных и не предметных реалий. Сопоставляются метафорические модели, репрезентирующие психологическую сферу человека в русском, белорусском и английском языках, основанные на ориентационных, синестетических и синкретических представлениях. Предметом отдельного рассмотрения становится универсальное и специфическое в способах метафорической репрезентации психологической сферы человека в исследуемых языках.

Метафора, являясь одним из основных механизмов мышления и базовым принципом формирования любого языка, изучается в парадигме языковой картины мира и неразрывно связана с концептуальной системой его носителей, объединенных общим мировосприятием и способами выражения отношения к происходящему. Подчеркивая антропоцентрическую доминанту языковой картины мира, В. Телия утверждает, что «никакая абстрактная теория не сможет без обращения к человеческому фактору ответить на вопрос, почему можно думать о чувствах как об огне и говорить о пламени любви, о жаре сердец, о тепле дружбы и т.п.» [1, с. 4].

Помимо указанного свойства метафоры, важное значение имеет и предметно-функциональный характер представления в языке недоступных непосредственному восприятию явлений. В сфере не предметных сущностей, с которыми связана концептуальная метафора, можно выделить несколько различных сфер, в том числе и психологическую. В качестве обозначений явлений психического мира могут выступать слова практически всех семантических полей («Предмет», «Природный мир», «Физический мир», «Абстракция», «Человек»), приобретающие определенное переносное значение, основанное чаще всего на какой-либо языковой метафорической модели. Это объясняется общим законом метафоризации – стремлением человеческого мышления объяснять более сложные, абстрактные явления простыми, конкретными, доступными непосредственному восприятию.

Анализ метафор психологического типа – обозначений эмоций, чувств и их проявлений – приводит к выводу об их концептуальном характере. Концептуальная метафора определяет способы осмысления человеком действительности в данной культуре, она – результат такого метафорического процесса, целью которого было создание нового понятия (концепта). В концептуальной метафоре вспомогательный компонент значения является основой для осмысления обозначаемого, «вычленяет из всей когнитивной структуры релевантные для говорящего компоненты и включает их в новое значение, давая обозначаемому новое имя» [2, с. 70].

Отдельные психологические феномены (эмоции, интеллектуальная и речевая деятельность, приятные и неприятные чувства и др.) становились предметом специальных лексикологических и сравнительных исследований Дж. Лакофа и М. Джонсона, А. Вежбицкой, А. Зализняк, О. Лещинской, В. Стариченка и др. Тем не менее, комплексное описание лексических средств репрезентации психологической сферы человека не осуществлялось ни на материале прямых, ни на материале метафорических обозначений.

Представленный в монографии автора статьи сопоставительный анализ метафор внутреннего мира человека в белорусском и английском языках [3] очерчивает основной круг типологических закономерностей метафорического моделирования названной сферы. В данной статье ставится задача комплексного сопоставительного и типологического анализа концептуальных метафор психологической сферы человека на материале русского, белорусского и английского языков для более полной иллюстрации полученных выводов и для обнаружения новых специфических черт в концептуальных системах языков.

Материалом исследования послужила выборка субстантивов с метафорическими значениями из современных словарей, а также иллюстративный лексикографический материал и примеры из интернет-источников. Рассмотрим свойства метафор, используемых для репрезентации психологической сферы человека в языке.

О р и е н т а ц и о н н ы е м е т а ф о р ы . Важнейшими понятиями, необходимыми для концептуализации человека как носителя определенных чувств и переживаний в мире (человека «внутреннего», «духовного», «душевного»), выступают те же понятия, которые описывают особенности функционирования человека «внешнего», «телесного», человеческого тела в пространстве. Такими понятиями являются: «верх-низ», «внутри-снаружи» и т.п.

Ориентационные метафоры основываются на пространственных представлениях. «Поскольку обнаруживаются системные корреляции между нашими эмоциями (такими, например, как счастье) и сенсорно-моторным опытом (таким, например, как прямая поза тела), это формирует основу ориентационных метафорических концептов (таких, как *happy is up* ‘счастье соответствует верху’). Такие метафоры позволяют нам концептуализировать эмоции в более четко определенных терминах, а также соотносить их с другими концептами, связанными с идеей общего благополучия (например, здоровье, жизнь, контроль)» [4, с. 94–95].

Основной концептуальной оппозицией в этой группе выступает «верх / низ» и следующая из нее – «вершина / дно»: *И тут – плевок, который повергает ее в пучину отчаяния* (А. Слаповский)¹. *И в это мгновение он по-настоящему понял, в какой бездне сомнений и неуверенности находился последние недели* (Э. Казакевич). *Лясніцкі звычайна любіў узнімаць са дна душы ўспаміны аб мінулым* (М. Зарэцкі). *І ажылі, замітусіліся думкі, што ад раницы ляжалі пакутліва-цяжкім клубком недзе на сподзе душы* (Б. Сачанка). *Быць на верху блаженства. Верх майго жадання. He fell into the abyss of depravity. 'Он погрузился в пучину порока'*. Также ориентационным концептом является концепт «край, предел»: *Аўгіння жартаваць жартавала, але граніц у сваіх дурацях не пераступала* (Я. Колас). *There was an edge of menace in his voice. 'В его голосе были нотки (дословно – кромка) угрозы'*. *There was no limit to his imagination. 'Его фантазии не было предела'*. *Выйти из границ. Предел желаний*.

Осознание и выражение человеком своих психических переживаний с помощью ориентационных метафор – следствие онтологического характера мышления: базируясь на регулярных корреляциях, возникающих в опыте человека, онтологические метафоры помогают сопоставить в сознании широчайший круг недоступных описанию обычным языком понятий, ведущее место в котором занимают понятия психического мира.

Синестетические метафоры. Закон объяснения сложного и недоступного непосредственному ощущению – более простым и осязаемым лежит в основе и такой группы метафор, как синестетические. Рассматривая синестетические метафоры, С. Ульман говорит, что переносы чаще осуществляются от обозначений вкуса, осязания и температурных ощущений к обозначению зрения, слуха и обоняния, объясняя это опять же стремлением описывать сложное в более простых понятиях. Так, «верхние» чувства (более сложные) существуют вне физического контакта с предметом, в то время как вкусовые и осязательные основаны на нем². Здесь проявляется и еще одна общая закономерность: многие существительные, прилагательные, глаголы, наречия при метафорическом переносе от выражения определенных признаков переходят к выражению более отвлеченных понятий – оценки качественной (приятно / неприятно) или количественной (много / мало), утрачивая свои первоначальные семантические компоненты. «Ощущение порождает у человека определенную оценку – приятного или неприятного – и представление об интенсивности – большой и малой, которая сопоставляется с оцен-

¹ Иллюстративные примеры, а также словарные толкования, приводимые в статье, взяты из следующих словарей: Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – 18-е изд. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.; Глумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад аг. рэд. К. К. Атраховіча (Кандрата Крапівы). – Мінск: БелСЭ, 1977–1979; Oxford Dictionary of English / ed. by C. Soanes, A. Stevenson. – 2nd ed. – Oxford University Press, 2003. – 2088 p., а также интернет-источников.

² Ульман, С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в лингвистике. – Вып. 5. – М., 1970. Цит. по: [5, с. 18].

кой или интенсивностью, сопровождающими иное явление. Ср. *холодный прием* (=неприятно), *теплый прием* (=приятно); *горячая любовь* (=интенсивная); *холодные чувства* (=слабые) и т.п.» [5, с. 18].

Однако нельзя отождествить семантическое значение сочетаний «сладкие», «теплые» и «светлые чувства». Когнитивная структура источника не может полностью потерять свои признаки, иначе сама метафора перестанет существовать. Именно актуализация одних сем и нейтрализация других помогает устанавливать сходство между источником и целью, а также формировать представление об интенсивности проявления того или иного чувства, эмоции, состояния, о характере протекания психического процесса.

В основе психологических синестетических метафор лежит установление сходства между эмоциями, чувствами (когнитивная структура цели) и различными ощущениями – зрительными, осязательными (в т.ч. температурными), вкусовыми (когнитивная структура источника). Как уже было сказано, семантические компоненты существительных, выступающих в метафорическом значении, приобретают значение качественных определителей интенсивности и положительной / отрицательной коннотации. Так, *свет*, *сладкий вкус*, *тепло* характеризуют эмоции как приятные, положительные, а *темнота*, *горечь*, *холод* – как неприятные. Лексико-семантический вариант *пламя* может выступать с энантиосемичными (и положительными, и отрицательными) значениями, причем в данном случае в первую очередь подчеркивается именно степень интенсивности чувства, проявления определенного состояния, а не его оценка.

Сравним синестетические метафоры в русском, белорусском и английском языках: *А где тут сияет пронзительный свет любви?* (А. Волос). *Человек, на лице которого никогда не прочтешь и тени смятения...* (Д. Навоша). *І ўспаміны гэтыя засвяціліся ў вачах (бацькі) мяккім пяшчотным святлом* (А. Васілевіч). *Хмельны солад каханья* (У. Жылка). *У сэрцы горычы прыліў* (А. Ставер). *Растаў твайго маўчання лёд* (Л. Пранчак). *A shrewd light entered his eyes. 'В его глазах засиял пронзительный свет'. The ice in his voice was only to hide the pain. 'Лед в голосе лишь помогал ему скрыть боль'*. Концептуальная локализация чувств в глазах, в голосе, выражении лица характерна для всех рассматриваемых языков, однако локализация в сердце, в душе – достаточно редка для английского языка.

Синкретические метафоры. Существование человека в мире природы, его непосредственные контакты с ней определяют не только его осязательные, слуховые и зрительные ощущения. Антропометричность человеческого существования позволяет индивиду устанавливать параллели между его внутренним состоянием и внешними силами природы, стихиями, создавая и другие онтологические метафоры. В данном случае концептосферы природных явлений и эмоциональных состояний чрезвычайно близки, поскольку они несут в себе значения силы, неожиданности, неуправляемости, важности. Метафоры, базирующиеся на сопоставлениях природного и психического мира, называются синкретическими, поскольку они, подобно

архетипическим образам фольклора, сопоставляют и объединяют образы непредметных, неодоушевленных явлений с проявлениями живой человеческой души: *Порою **огнь** души унылой воспламеняется во мне...* (А. Пушкин). *Зубы в деснах ослабели, и потух **огонь** очей* (А. Пушкин). *Да, взметнулась **волна** горя при страшном известии о Михаиле Александровиче* (М. Булгаков). *Навошта кветкі? Ё сэрцы / Без іх **агну** хапае* (М. Калачынскі). *Вочы [Паўла] гарэлі вострым **агнём** нявыказанай крыўды, і губы трасліся* (К. Чорны). *А там ачыхла і **полымя** панскага гневу* (У. Арлоў). *Людское ичасце палілося бурнаю **ракой** радасці* (П. Кавалёў). *Сэрца захліснула цёплая пяшчотная **хваля*** (П. Місько). *Накрыла ясны твар дзявочы / Задумы сумная **імгла*** (М. Багдановіч). *There's nothing like a holiday to rekindle the **flames** of passion. 'Ничто не разжигает пламя страсти лучше, чем совместный отпуск'. She felt a **flare** of anger within her. 'Она почувствовала вспышку гнева внутри'. Waves of passion came over him. 'Его накрыли волны страсти'. He was drawing her down into an emotional **whirlpool**. 'Он затягивал ее в водоворот эмоций'. The coffee helped clear the **fog** in my brain. 'Кофе помог мне развеять туман в голове'.*

Универсальные метафоры. Сопоставляя многозначность лексем самых различных языков, можно обнаружить множество совпадений в метафорических переносах. Чаще всего речь идет об универсальных языковых метафорических моделях, представляющих собой типичные схемы переносов «источник → цель», где в качестве источника выступают слова определенной лексико-семантической группы в каждом языке. Говоря о метафоре, универсальной для нескольких языков, мы имеем в виду приобретение неким словом метафорического значения в различных языках. Сходство образов и параллелизм в метафорических переносах проявляются и в пространстве (одинаковые метафорические переносы в разных языках), и во времени (воспроизведение одних и тех же переносов на разных этапах развития одного языка или группы языков).

Рассмотрение базовых онтологических, синестетических и синкретических концептуальных метафор, служащих для обозначения явлений психологической сферы, позволяет сделать вывод об их универсальном характере. Это значит, что любая продуктивная метафорическая модель одного языка, основанная на ориентационных, синкретических и синестетических представлениях, имеет соответствие в другом языке. Например, частная синкретическая модель «растения → мысли и чувства» имеет следующие лексические соответствия в трех рассматриваемых языках: *Грехи, соблазны и суеверия – это та земля, которая должна покрывать **семена** любви для того, чтобы они могли взойти* (Л. Толстой). *[Нявідны] поўнаю жменью сее **насенне** буры і нянавісці да класавых ворагаў* (Я. Колас). *The conversation sowed a tiny **seed** of doubt in his mind. 'Разговор посеял в его душе семя сомнения'.*

Специфические метафоры. Специфика метафор выражается в том, что внутри общего метафорического значения в различных языках акцентируются разные подзначения, возникают дополнительные переносы. То есть специфика проявляется в количестве лексико-семантических вариан-

тов, их семантическом объеме (более узком или широком), денотативной соотнесенности. Например, в английском языке полисемант *mimicry* имеет значение ‘копирование’, ‘передразнивание’, а не ‘приспособленчество’, ‘притворство’, как в русском и белорусском: *Будем надеяться, что на предстоящих выборах в Госдуму эта мимикрия не станет реальностью* (А. Крутов). *Для Астраўнова пасада загадчыка гаспадаркі ў калгасе – мімікрыя* (В. Каваленка). *The word was spoken with gently teasing mimicry. ‘Это было сказано с долей юродства (дословно – мимикрии)’.*

Метафора *червь* (в значении ‘гнетущая, навязчивая мысль’) характерна для русского и белорусского языков, но не имеет такого соответствия в английском: *Тоска глубже впилась в его сердце, червь отчаяния сильнее шевелился в ... груди* (И. Гончаров). *Чарвяк цікаўнасці не даваў [жонцы] спакою* (Ул. Дамашэвіч). Не имеет прямого соответствия в славянских языках английская метафора *ginger* ‘имбирь’: *The ginger had gone out of the men. ‘Запал совсем оставил их’.*

Таким образом, концептуальный характер языковой картины мира определяет наличие универсальных метафорических моделей, основанных на ориентационных, синестетических и синкретических представлениях. Изучение универсального и специфического в системе субстантивной метафоры, выявление продуктивных моделей метафоризации способствует более глубокому анализу процессов семантического варьирования в различных языках и перспектив метафорического переосмысления существующих в языке слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Телия, В. Н.* Предисловие / В. Н. Телия // *Метафора в языке и тексте* / В. Г. Гак [и др.]; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – С. 3–10.
2. *Опарина, Е. О.* Концептуальная метафора / Е. Опарина // *Метафора в языке и тексте* / В. Г. Гак [и др.]; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – С. 65–77.
3. *Шыманская, В. Ю.* Метафарычная рэпрэзентацыя псіхалагічнай сферы чалавека ў беларускай і англійскай мовах (на матэрыяле субстантываў) (з электронным дадаткам) / В. Ю. Шыманская. – Мінск : РІВШ, 2016. – 124 с.
4. *Лакофф, Дж., Джонсон, М.* Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиторал УРСС, 2004. – 256 с.
5. *Гак, В. Г.* Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак // *Метафора в языке и тексте* / В. Г. Гак [и др.]; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – С. 11–26.

The paper addresses the conceptual foundations of metaphorical naming within human psychology sphere based on viewing emotions and feelings as physical objects and processes. A range of Russian, Belarusian, and English lexicalized metaphors and metaphoric models based on orientational, synaesthetic, and syncretic notions about the world are compared. Particular attention is drawn to the universal and the specific ways of representing emotion in the three languages.

Поступила в редакцию 31.03.16